

Научная статья
УДК 81'37(=512.36)
DOI 10.18101/2686-7095-2024-2-19-25

К ЭТИМОЛОГИИ СЛОВА *MANGUUS* В МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКАХ

© Сундуева Екатерина Владимировна

доктор филологических наук, доцент,
главный научный сотрудник отдела языкознания,
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения
Российской академии наук
Россия, 670046, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6
sundueva@mail.ru

Аннотация. В данной работе предпринята попытка выявить внутреннюю форму слова *tanguus*, обозначающего основного отрицательного персонажа из фольклора монгольских народов в виде многоголового антропоморфного существа, противопоставляемого положительным эпическим героям. Используются материалы лексикографических и фольклорных источников, также для сравнения привлекаются данные тюркских языков. На основе анализа семантики слов с корнем **tang* (и его вариантов **tangq*, **mant*, **mand*) автор устанавливает, что данный корень служил для реализации признаков 'округлый' → 'большеголовый' → 'многоголовый'. Эти признаки в полной мере применимы к внешнему виду рассматриваемых фольклорных персонажей. Автор предполагает, что именно образная лексика является ключом к выявлению мотива номинации базовой лексики алтайских языков. Выявление общего для монгольских и тюркских языков мотива номинации 'большеголовый' отражает особенности национально-культурного мировидения родственных народов.

Ключевые слова: монгольские языки, лексика, семантика, этимология, номинация, образные слова, корень, фольклор, эпос.

Благодарности

Статья подготовлена в рамках государственного задания (проект «Мир человека в монгольских языках: анализ средств выражения эмотивности», № 121031000258-9).

Для цитирования

Сундуева Е. В. К этимологии слова *tanguus* в монгольских языках // Вестник Бурятского государственного университета. Филология. 2024. Вып. 2. С. 19–25.

Введение

Богатейший язык фольклорных текстов монгольских народов содержит большое количество диалектизм, архаизмов с затемненной семантикой, значение которых выводимо на основе анализа контекста, а также привлечения однокоренных слов. Цель данной работы состоит в выявлении мотива номинации в обозначении отрицательных персонажей — чудовищ-мангадхаев. Актуальность семантико-мотивационного исследования определяется современным контекстом монгольского языкознания, уделяющим большое внимание обширному фольклорному материалу, содержащему бесценные «ключи» для понимания исторического развития монгольских языков. Материалом исследования выступили данные лексикографи-

ческих и фольклорных источников монгольских и тюркских народов. Используются описательно-синхронический, сравнительно-сопоставительный методы, а также компонентный анализ.

Основная часть

Бур. *мангас* / *мангад* / *мангадхай*, монг. *мангас* имеют значение ‘многоголовое человекоподобное существо, вредящее людям, сказочное чудовище’. Учеными высказывались различные точки зрения относительно этимологии данного слова: от п.-монг. *тауи* ‘дурной; злой’, от др.-иран. *tôghu* ‘маг’ через тюркское посредство (во всяком случае к *tôghu* возводятся тюрк. *могус*, *муз*, *моос*, калм., орд. *мус*) [3, с. 100]. В словаре О. М. Ковалевского находим: п.-монг. *mangyus*, *mangyud* ‘ракшас, чудовище плотоядное, род вампира’ [8, р. 1977]. Данная лексема дважды встречается в «Тайной истории монголов»: *amidu jalgisu kegü manggus metü* [9, р. 29] ‘like a dragon-snake swallowing its prey alive’ [10, р. 21]; *gü’ün-nece busu gürölgü mangqus töteksen joci-qasar ke’ekgeyü tere buyu-je* [9, р. 105] ‘different from all other men, he was born a coiling dragon-snake. His name is Joci-Qasar’ [10, р. 121]. В монгольской версии «Двенадцати деяний Будды», относящейся к началу XIV в., форма [*em-e*] *mangyus* упоминается трижды [11, р. 109, 117].

Как видно, И. Рахевильц переводит ср.-монг. *mangqus* как ‘дракон-змея’, предполагая, что «прежде чем развиться под буддийским влиянием в ‘чудовище-людоеда, демона’ (санскр. *rākṣasa*), это мифическое животное рассматривалось как ужасное создание в виде змеи или дракона, способное проглатывать живьем. Для того чтобы обосновать существование этого мифа в древнем, добуддийском монгольском фольклоре, Ш. Гаадамба сблизил *gürölgü mangqus* с совр. монг. *gürbel mangyus* ‘ящерица-*mangyus*’, при этом внешний вид монстра в виде ящера мог быть почерпнут древними монголами из археологических находок динозавров. Из немногочисленных источников становится очевидным, что *mangqus* воспринимался монголами времен Чингисхана в виде дракона или змеи, физические характеристики которых невозможно с точностью определить» [10, р. 717].

Ученый предполагает, что в структурном плане ср.-монг. *mangqus* состоит из китайского *tang*, соединительной гласной *-и-* и форманта множественного числа *-s*. Семантически форма развивалась следующим образом: кит. *tang* ‘(очень) большая змея, иногда ассоциируемая с драконом’ > ср.-монг. *mangqus* ‘дракон-змея людоед’ > монг. *manggus* ‘чудовище-людоед, демон, *rākṣasa*’ [10, р. 717–718]. Следует отметить, что в переводе С. А. Козина *mangqus* имеет значение ‘демон-змей, мангус’. На наш взгляд, семантика лексемы вполне «выводима» из значений однокоренных, в том числе образных, слов монгольских языков.

Исследование лексики с корнем **tang* в монгольских языках позволило выявить общий первичный признак ‘выпуклый, округлый’: п.-монг. *манглай*, монг. *манлай*, бур. эхир. *мангилай* ‘лоб; мыс, нос горы’. Помимо *манлай* в монгольских языках представлен синоним: п.-монг. *тангнай*, монг. *магнай*, калм. *магна*, образованный с помощью суффикса *-най* от того же корня **tang*. Вариант *магнай* демонстрирует «переход *η* в *g* в тех случаях, когда исторический *η* оказался в положении перед **n* (**l*)» [5, с. 108]. Ср. *ангна-* > *агна-* ‘охотиться’, *тенгне-* > *тэнгнэ-* ‘уравновешивать’.

Фонетически близкая лексема со значением ‘лоб’ широко распространена в тюркских языках: кырг. *маңдай*, алт. *манъдай*, башк., калп., тат., туркм., уйг. *манлай*, казах., кбалк. *мангылай*, ног. *манълай*, узб. *манглай*. Ср. также архаическое значение образного характера кырг. *маңгел (маңгел баш)* *ат* ‘лошадь с выпуклым (некрасивым) лбом’ [2, с. 516]. Как отмечается в «Этимологическом словаре тюркских языков», «авторы Грамматики алтайского языка сопоставили алт. *маңдат* ‘лоб’ с монгольскими формами. Монгольское происхождение слова признает значительное число этимологов ... Первоначальным значением слова Г. Дёрфер считает ‘лоб’, признавая несомненное монгольское происхождение»¹.

Развитие значения «лоб → (большая) голова» на основе метонимического переноса «часть → целое» наблюдается в азерб. диал. *маңай* ‘голова, череп’². Формы монг. *мантгар* ‘широколицый; большеголовый’, *мантгар толгой* ‘большая крупная голова’, бур. *мантагар* ‘головастый, большеголовый’, монг. *толгойнь манхай* ‘быть большеголовым’ восходят к образным корням **mant / mangq*, фонетическим вариантам корня **tangu*, давшего п.-монг. *tanguus*. Очевидно, отличительным признаком мангуса могло быть не только множество голов, но и большая голова.

Помимо значений ‘большеголовый’ монг. *мантгар*, бур. *мантагар* означают ‘крупный, толстый, массивный, здоровенный’, монг. *мандгар* ‘большой, толстый’, бур. *мандагар* ‘крупный, огромный, большой’, *мантан* ‘большой’, монг. *манхай* ‘быть большим’. Здесь видно, как информация о размере объекта получается в результате дальнейшей трансформации образа, отражающего его форму. Безусловно, эти признаки также применимы к мифическому персонажу.

Название растения монг. *мангад тархи* ‘мордовник Гмелина’ (досл. ‘большая / круглая голова’) обусловлено тем, что его цветки собраны в крупные шаровидные головчатые соцветия. Также к производным можно с уверенностью отнести названия растений: монг. *мангина* ‘вид чеснока’, *мангир* ‘дикая луковица’, *мангис*, бур. *мангиһан* ‘черемша’, номинация в которых происходила на основе зрительного восприятия округлой формы луковицы. Семантически близки формы: кырг. *мандалак* ‘тюльпан’ (род многолетних *луковичных* растений семейства Лилейные), *мандалактай семиз тай* ‘как налитой жеребенок’, *мандалактай-мандалактай балдар* ‘полненькие и румяные дети’ [2, с. 515]. Значения ‘полный, крепкий’ прослеживаются в кырг. *мандырдай* ‘ядреный, крупнозернистый’, *эки бети мандырдай кызыл бала* ‘краснощекий мальчик’, *манек* ‘полный и полнолицый крепыш’, *мантай* ‘быть приземистым, коренастым’, *мантык* ‘поправиться, пополнить после отощания’ [2, с. 516].

Как пишет С. Ю. Неклюдов, «близкие мангусу наименования встречаются в фольклоре саларов, уйгуров, алтайцев, шорцев, тувинцев, якутов, тунгусов; однако под этими именами выступают не только отрицательные (враг, чудовище), но и положительные (герой, богатырь) персонажи. Наличие у тюрко-монгольских и тунгусо-маньчжурских народов аналогично звучащих названий “чужих” племен и самоназваний (*манги, мангут, мангыт, мангат, мангыс, мангас, мангиян* и пр.)

¹ Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на буквы «Л», «М», «Н», «П», «С». Москва: Восточная литература РАН, 2003. С. 41. Текст: непосредственный.

² Там же. С. 40.

позволяет предположить двоякую интерпретацию древнего этнонима в зависимости от исторических условий: положительная («свой» герой — богатырь) и отрицательная (иноплеменник — враг, демон)» [3, с. 100].

Возможно, признак ‘с высоким открытым лбом’ заложен в бур. *мангад* ‘русский’, а также в названии древнего монгольского племени *мангут*, упоминаемого в «Сокровенном сказании монголов»: *Nacin-ba'atur-un kö'üt uru'udai mangqutai neretan büke'e uru'ut mangqut oboqtan tede bol(u)ba* [9, р. 20–21] ‘Сыновья Начин-Баатура прозывались Уруудай и Мангутай. От них пошли племена Урууд и Мангуд’. Имя *Mangqutai*, возможно, отображает внешний вид ребенка. От монг. *мангут* унаследовали свой этноним тюркоязычные мангыты. Указание на иной внешний признак находим у Л.-П. Стэнли: «Мангыты, или “люди с плоскими носами”, племя, родственное ногайцам, оставили свои кипчакские кочевья в начале XVI в., чтобы принять участие в успехах Мухаммеда Шейбани» [7, с. 200]. Номинация по отличительному внешнему признаку связан с тем, что «маркированность уникальности, исключительности восходит к архетипической оппозиции “свой — чужой, иной, другой”, преобразованной под несколько другим углом зрения в оппозицию “такой, как все — уникальный, исключительный”, и является универсальной» [6, с. 12].

В фольклоре монгольских народов представлены красочные описания чудовищ-*мангас*, количество голов которых варьируется в пределах одного памятника. Как отмечает Н. Н. Николаева, «в образах мангадхаев наблюдается смешение черт — это, с одной стороны, ущербность/недостаточность и, с другой стороны, переизбыток. В одном и том же тексте они могут описываться многоголовыми (количество голов может достигать до 600) и многорогими и в то же время акцентированно одноглазыми либо одноголовыми, но с тысячами глаз и т. д., при этом увеличение количества чаще всего касается голов, глаз, рогов, но почти никогда тела или конечностей» [4, с. 146]. Как отмечает Е. А. Бардамова, «в соответствии с кодом человеческого тела голова как самая верхняя часть служит для кодирования верхней или передней исходной точки пространственных объектов» [1, с. 44].

В монгольских сказках упоминаются *Арван таван толгойтой атгаалжин хар мангас*, *хорин таван толгойтой хотгойлжин хар мангас*, *салаа толгойтой мангас* и пр. В бурятском эпосе «Абай Гэсэр» мангадхаи имеют 13, 67, 77, 108, 500, 600, 1008 голов: *Асуурайн шара мангадхай / Арбан гурбан толгойто* ‘Асурайский желтый мангадхай, / Имеющий тринадцать голов’; *Ёрон долоон толгойто / Ёргоо хургааг эбэртэй / Ёбсоголдой шара мангадхай* ‘Лобсоголдой желтый мангадхай, / Который имеет шестьдесят семь голов, / Да и шесть, словно жерди, рогов’; *Далан долоон толгойтой / Даньял шара мангадхай* ‘Желтый Даньяльский мангадхай, / Имеющий семьдесят семь голов’; *Зуун найман толгойто / Зуудаг шара мангадхай* ‘Кусающий желтый мангадхай, / Что имеет сто восемь голов’; *Табан зуухан толгойто, / Таби хургааг эбэртэй, / Мангад хугиэн гахай* ‘Пятьсот он имеет голов, / Пятьдесят, словно жерди, рогов он имеет / Старик Мангад гахай’; *Ёргоон зуухан толгойтойл, / Ёрон хургааг эбэртэй / Мангад хугиэн ахай* ‘Старик Мангад гахай, / Что имел шестьсот-то голов, / Шестьдесят, словно жерди, рогов’; *Мянга найман толгойтой / Митуурайн шара мангадхай* ‘Митурайский желтый мангадхай, / Что имеет тысячу восемь голов’. В эпосе ононских хамниганов мангадхаи были либо

двуглавые, либо пятнадцатоголовые: *Тыгэсээр байтар, бурхан — нэгэ хоёр таракитэй екаэсэ екэ амитан орджирбэ* ‘После этого, о господи, двуглавое, огромное страшилище заходит’¹.

Как видно, в памятнике «Абай Гэсэр» слово *мангадхай* представлено в формах *мангад ахай, мангад гахай, мангад хүгшэн ахай*, в эпосе окинских бурят *мангасхай*, у олонских хамниганов *мангад ахай* или даже *ахай мангад*: *Арбан табан толгойтой / Ахай мангад гэджи юу гээчи бэй?* Выступление слова *ахай* в препозиции, а также использование определения *хүгшэн* ‘старый’ свидетельствуют о том, что *мангадхай* сформировалось из двух слов: *мангад* и *ахай*, используемого для выражения почтения при имени или названии, часто превращающегося в суффикс (ср. бур. *бишанхай* ‘третий по старшинству брат’, *нагасахай* ‘дядя по матери’). Функционирование варианта *гахай* ‘свинья’, вероятно, связано с его созвучием слову *ахай*.

В киргизском эпосе «Манас» встречается эпический топоним Манггюба, обозначающий далекую страну в землях кытаев, а также название рода:

<i>Маңгуба журту каптаса,</i>	Если племя <i>манггюба</i> нахлынет [на нас],
<i>Башаалыгың бузулду.</i>	Власти падишаха лишишься ты.
<i>Жалан эле биз эмес,</i>	Не только мы одни,
<i>Жалты дүйнө жүзүнө</i>	Но и весь мир
<i>Тие турган зардабы.</i>	Испытает их насилие ² .

Возможно, название *маңгуба* также обозначает большеголовых / многоголовых людей, красочное описание которых дано в эпосе:

<i>Кийим ордунда чачтары,</i>	Вместо одежды волосы [у них],
<i>Таанылбайт кары, жааштары,</i>	Не поймешь, кто молод, а кто стар,
<i>Эң кичине дегендин</i>	Даже у самых маленьких
<i>Даи казанджай бааштары.</i>	Голова с огромный котел,
<i>Аяк менен бутары,</i>	От рук их и ног
<i>Ат чабым жерге баргыдай</i>	На расстояние в <i>ат чабым</i>
<i>Коңурсуган жыттары.</i>	Стоит смрадный дух ³ .

<i>Кээ бүрөөндөө эки баи,</i>	У некоторых две головы,
<i>Учку деген уругу</i>	В племени, называемом учку,
<i>Жергелеши жети баи.</i>	С семью головами все как один ⁴ .

Заключение. Таким образом, на основе анализа однокоренных слов и слов с фонетически близкими корнями можно прийти к выводу о том, что в лексеме п.-монг. *tanγuis* заложены два отличительных признака ‘большая голова’ и ‘множество голов’. В повествовании фольклорного произведения обозначения представителей чужого мира отличались стереотипностью. Семантическая реконструкция архаической фольклорной лексики, безусловно, позволяет выявить

¹ Улигеры олонских хамниганов. Новосибирск: Наука, 1982. С. 20. Текст: непосредственный.

² Манас. Киргизский героический эпос. Кн. 4. Москва: Наследие, 1995. С. 238, 593. Текст: непосредственный.

³ Там же. С. 233, 588.

⁴ Там же. С. 234, 589.

особенности мировидения монгольских народов, обнаружить корреляции с глубинными архетипами, восходящими к общей традиции.

Список сокращений

Алт. — алтайский; башк. — башкирский; бур. — бурятский; бур. эхир. — эхиритский говор бурятского языка; др.-иран. — древнеиранский; каз. — казахский; калм. — калмыцкий; кбалк. — кабардино-балкарский; кит. — китайский; ккалп. — каракалпакский; кырг. — кыргызский; монг. — халха-монгольский; ног. — ногайский; орд. — ордосский; п.-монг. — старописьменный монгольский; ср.-монг. — средневековый монгольский; тат. — татарский; турк. — туркменский; тюрк. — тюркские языки; узб. — узбекский; уйг. — уйгурский.

Литература

1. Бардамова Е. А. Семантика предела: специфика репрезентации // Вестник Бурятского государственного университета. Филология. 2023. Вып. 3. С. 41–47. Текст: непосредственный.
2. Киргизско-русский словарь / составитель К. К. Юдахин. Москва: Советская энциклопедия, 1965. 974 с. Текст: непосредственный.
3. Мифологический словарь / главный редактор Е. М. Мелетинский. Москва: Советская энциклопедия, 1990. 672 с. Текст: непосредственный.
4. Николаева Н. Н. Отрицательные персонажи в героическом эпосе бурят // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 4(34): в 3 ч. Ч. 2. С. 145–148. Текст: непосредственный.
5. Рассадин В. И. Очерки по исторической фонетике бурятского языка. Москва: Наука, 1982. 200 с. Текст: непосредственный.
6. Соколова А. П. Прилагательные «редкий» и «редкостный» в русском языковом сознании: лингвокогнитивный аспект // Вестник Бурятского государственного университета. Филология. 2024. Вып. 1. С. 12–19. Текст: непосредственный.
7. Стэнли Лэн-Пуль. Мусульманские династии. Хронологические и генеалогические таблицы с историческими введениями / перевод с английского с примечаниями и дополнениями В. В. Бартольда. Москва: Восточная литература, Муравей, 2004. 310 с. Текст: непосредственный.
8. Kowalewski J. E. *Dictionnaire mongol-russe-français*. Kasan: Imprimerie de l'Université, 1849. V. I–III. 2690 p.
9. Rachewiltz I. *Index to The Secret History of the Mongols*. Bloomington: Indiana University, 1972. 347 p.
10. Rachewiltz I. *The Secret History of the Mongols*. Leiden; Boston: Brill, 2004. 1347 p.
11. Tumurtogoo D., Cecegdari G. *Monuments in Uighur-Mongolian Script (XIII–XVI centuries)*. Introduction, Transcription and Bibliography, Academia Sinica, Institute of Linguistics. Taipei, Taiwan, 2006. 726 p.

Статья поступила в редакцию 29.03.2024; одобрена после рецензирования 23.04.2024; принята к публикации 28.05.2024.

ON THE ETYMOLOGY OF THE WORD *MANGγUS*
IN THE MONGOLIC LANGUAGES

Ekaterina V. Sunduyeva

Dr. Sci. (Philology), A/Prof.,

Chief Researcher of Linguistics Department,

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS

6 Sakhyanovoy St., Ulan-Ude 670046, Russia

sundueva@mail.ru

Abstract. The article attempts to identify the inner form of the word *mangγus*, which designates a main negative character of the Mongolian peoples' folklore, which is presented as a multi-headed anthropomorphic creature, who is contrasted with positive epic heroes. We have used materials from lexicographic and folklore sources, and data from Turkic languages for comparison. Based on an analysis of the semantics of words with the root **mang* (and its variants **mangq*, **mant*, **mand*), we have established that this root served to implement the characteristics 'rounded' → 'big-headed' → 'many-headed'. These signs are fully applicable to the appearance of the folklore characters. We suggest that figurative vocabulary is the key to identifying the motive for the nomination of the basic vocabulary of the Altai languages. Identification of the common to the Mongolic and Turkic languages motif of the nomination 'big-headed' reflects the peculiarities of the national and cultural worldview of related peoples.

Keywords: the Mongolic languages, vocabulary, semantics, etymology, nomination, figurative words, root, folklore, epic.

Acknowledgments

The research was carried out within the framework of the state assignment (project "The Human World in the Mongolic Languages: An Analysis of Expressive Means of Emotional Breadth", No. 121031000258-9).

For citation

Sunduyeva E. V. On the Etymology of the Word *mangγus* in the Mongolic Languages. *Bulletin of Buryat State University. Philology*. 2024; 2: 19–25 (In Russ.).

The article was submitted 29.03.2024; approved after reviewing 23.04.2024; accepted for publication 28.05.2024.